

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НЕМЕЦКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ БЕЛАРУСИ (1941 – 1944 гг.)

Т.В. Опиок (г. Могилев)

Положение православной церкви на оккупированных Германией территориях, религиозная жизнь в годы оккупации, с одной стороны, были предопределены ростом религиозности населения, с другой, безусловно, зависели от политики оккупационных властей в конфессиональной сфере.

Отношение идеологов III Рейха к церкви можно охарактеризовать, используя высказывание А. Гитлера: «... иерархическая организация и посвящение через символические обряды, действующие на воображение, – опасный элемент. ... Разве Вы не понимаете, что и наша партия должна быть такого же характера? ... Мы или ... Церковь – есть место только для одного» [1, с. 122]. Таким образом, констатировалось, что в фашистском тоталитарном государстве есть место только для одной тотальной идеологии. Таким же непримиримым было отношение фюрера к христианству. В декабре 1942 года он открыто заявил о необходимости его уничтожения: «Война идет к концу. Последняя великая задача нашей эпохи заключается в том, чтобы решить проблему церкви. Только тогда германская нация может быть совершенно спокойна за свое будущее... нужно подождать, пока церковь сгниет до конца, подобно зараженному гангреной органу. Нужно довести до того, что с амвона будут вещать одни дураки, а слушать их будут одни старики» [2, с. 433].

Как к красочному этнографическому ритуалу, который можно использовать для обеспечения повиновения славянского населения, относился к православию имперский комиссар Восточных территорий А. Розенберг [3, с. 204].

Следует, однако, отметить, что конфессиональный фактор фашистские идеологи и политики учитывали и активно использовали и в Германии, и на оккупированных территориях. Специальный церковный отдел СД осуществлял контроль за деятельностью религиозных общин всех конфессий практически во всех странах Европы. В конфессиональной политике в оккупирован-

ных областях СССР как приоритетные определялись три задачи: поддержка религиозного движения в силу его враждебности большевизму, дробление религиозного движения и недопущение его консолидации, использование церковных организаций для помощи немецкой администрации [2, с. 435]. Эти цели, сформулированные в специальном циркуляре Главного управления имперской безопасности «О церковном вопросе в оккупированных областях Советского Союза» 16 августа 1941 года, реализовывались, в том числе, и на оккупированной территории Беларуси.

Немецкие оккупационные власти в Беларуси не препятствовали открытию православных храмов, монастырей, краткосрочных пасторских курсов для подготовки священнослужителей. За первый год оккупации в Минской епархии из 400 дореволюционных приходов были вновь открыты 120 [2, с. 211]. В самом Минске до войны из 9 уцелела только 1 православная Свято-Александра-Невская церковь на военном кладбище. Богослужения не проводились в ней с 1938 года. Уже к концу 1941 года кроме этого храма службы проводились в церкви Св. Марии Магдалины, церкви Спасо-Преображенского монастыря, Свято-Казанской и Свято-Екатерининской церквях [4, с. 217]. При этом на всех уровнях населению внушалась мысль, что религия, нравственность и советская власть – несовместимые понятия.

Используя то, что в условиях войны руководство в СССР не сразу преодолело негативное отношение к православной церкви и по инерции воспринимало священнослужителей как потенциальных союзников Германии, оккупационные власти стремились использовать религиозный фактор. При этом пренебрежительное отношение к христианству вообще и к православию, в частности, скрывалось у нацистских идеологов за лозунгами об «освобождении русской церкви от ига большевизма».

Решая задачу недопущения консолидации и дробления религиозного движения, оккупационные власти в Беларуси использовали, во первых, разорванность ее территории на зоны оккупации и невозможность вследствие этого нормального течения религиозной жизни. Так, Гродненская епархия получила автономию, поскольку ее территория входила в состав Восточной Пруссии. Брестская епархия до апреля 1944 года входила в состав Украинской православной церкви, так как Брестчина была

до этого времени частью Рейхскомиссариата Украины. Приходы Витебской, Могилевской, Смоленской и части Минской епархий находились на территории, где управление осуществлялось военным командованием, и в конце 1942 года вошли в состав Смоленско-Брянской епархии.

Но для полного контроля над религиозной жизнью оккупированных территорий немецким оккупационным властям и коллаборационистским деятелям необходимо было оторвать православную церковь этих регионов от Московской патриархии. Поэтому и в Прибалтике, и на Украине, и в Беларуси ставка была сделана на создание автокефалий. В Прибалтике добиться этого было проще, так как латвийская и эстонская православные церкви только в 1940 году перешли в юрисдикцию Московской патриархии и признали назначенного ею экзарха Сергия (Воскресенского). В годы оккупации митрополит Сергей, признавая каноническое подчинение Москве, встал на путь сотрудничества с оккупационными властями. Часть приходов вовсе не признала ни митрополита, ни связей с Московской патриархией и поддерживала митрополита Эстонского Александра. На Украине, поддерживая антирусские настроения, немецкие власти активно использовали борьбу автономистов и автокефалистов. Осложнялась конфессиональная ситуация и тем, что здесь действовали приходы униатской и польской православной церковей.

Разрешение на возобновление деятельности православной церкви на оккупированной территории Беларуси, полученное от Генерального комиссариата при посредничестве руководителя Минского округа Р. Островского, сопровождалось несколькими условиями. Среди них – провозглашение автокефалии; предоставление Устава; проведение проповедей, обучение Закону Божьему и ведение делопроизводства на белорусском языке. 6 октября 1941 года митрополит Пантелеймон (Рожновский) и епископ брестский Бенедикт включили их в «Акт № 1 деяния Собора епископов Белорусской Православной Церкви» [5, с. 276].

В марте 1942 года собор епископов рассмотрел Устав Белорусской православной церкви, по которому создавались 6 епархий: Витебская, Гродненская, Минская, Могилевская, Новогрудская и Смоленская. В каждую из них были назначены епископы. Собор избрал Синод в составе двух архиепископов (Бенедикт и

Филофей) и одного епископа кандидатом в члены Синода (Афанасий) [6, с. 16]. Всебелорусский церковный собор (30 августа – 2 сентября 1942 года), проходивший под руководством архиепископа Филофея, утвердил Устав Белорусской автокефальной православной церкви. Но ни собор епископов, ни Всебелорусский церковный собор фактически не создали автокефалии. В §113 Устава подчеркивалось, что: «каноническое объявление автокефалии последует после признания ее всеми автокефальными Православными Церквями» [5, с. 280]. Письма патриархам автокефалий были составлены, но отправили их под давлением белорусских деятелей, сотрудничавших с немецкими властями, по решению Синода только в апреле 1943 года и в условиях военного времени большого значения они не имели.

Такое положение с созданием автокефалии Белорусской православной церкви во многом объясняется позицией ее иерархов и, прежде всего, митрополита Минского и всея Беларуси Пантелеймона, выступавшего за сохранение единства Русской православной церкви. Кроме того, митрополит не был сторонником ведения богослужений на белорусском языке, объясняя свою позицию тем, что горожане говорят по-русски. За эти убеждения митрополит на некоторое время фактически был отстранен от руководства церковью и отправлен в монастырь в Лядах, а затем до апреля 1943 года жил под надзором полиции в Вилейке.

Патриотическая позиция руководства Русской православной церкви, заявленная в пасторских посланиях местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского); изменение отношения к православной церкви со стороны Сталина и его согласие на проведение в сентябре 1943 года Поместного собора для избрания патриарха вынудили оккупационные власти организовать кампанию по непризнанию избрания митрополита Сергия патриархом. В эту кампанию они стремились вовлечь и иерархов оккупированных территорий, в том числе белорусских. В октябре 1943 года на конференции иерархов Русской Православной Церкви за границей, созванной митрополитом Берлинским и Германским Серафимом (Ладэ) и признавшей неканоничным избрание патриарха Сергия, присутствовал архиепископ Гродненский Бенедикт. Декларация против возведения в патриархи митрополита Сергия

была по требованию немецких властей принята и на последнем в годы оккупации соборе епископов Белорусской автокефальной православной церкви в мае 1944 года в Минске [3, с. 208; 5, с. 282-284]. В условиях наступления Советской армии белорусские иерархи иммигрировали в Германию, а созданная в августе 1944 года Минская епархия стала неотъемлемой частью Русской православной церкви.

Литература:

1. Андреева Л.А. Религия и власть в России. – М., 2001.
2. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллабо в России. 1941 – 1944. – М., 2004.
3. Пospelовский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – М., 1995.
4. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX стст.) / В.В. Грыгор'ева, У.М. Завальнюк, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава. – Мн., 1998.
5. Мартос А. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. – Буэнос-Айрес, 1966.
6. Грыцкевіч А. Праваслаўная царква ў Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. – № 5.
7. Пруссако В. Оккультный рейх // Оккультный мессия и его рейх. – М., 1992.